

Гу Шэн тоже невольно напряглась. Она давно слышала, что когда высшие аристократы сражаются, они инстинктивно выделяют пугающие противника феромоны, которые могут косвенно вызвать реакцию и у наблюдающих благородных аристократов.

Раньше Гу Шэн всегда недоумевала по этому поводу. Она с детства не любила боевые искусства, поэтому ей было трудно представить, что какой-либо благородный аристократ может потерять голову от подобных жестоких, не любовных феромонов.

Но теперь, когда она сама испытала это на себе, она немного поняла, что такая реакция, вероятно, является инстинктивным стремлением благородных аристократов к сильным партнерам.

Первый принц, будучи императорским аристократом, уже явно ощутил враждебность и гнев противника.

Хотя этот вызов был еще неокрепшим, он почему-то вызвал у него трепет, и ноги слегка задрожали. Он поспешил смягчить тон и успокоить:

— Что случилось? Кто расстроил нашего именинника?

Услышав это, Цзян Чэньюэ сердито указала на Гу Жао, нахмутив брови и уставившись на первого принца, гневно произнесла:

— Старший брат, эта девушка из твоего дома? Она хочет отнять у меня моего человека!

Первый принц посмотрел в указанном направлении на Гу Жао, и на его лице появилось замешательство и досада.

Если бы это была обычная наложница, он бы тут же приказал вытащить её и наказать палками, но эта женщина была Гу Жао!

Помедлив немного, первый принц вздохнул и с возмущением подошел к Гу Жао, прикрикнув:

— Ты, неблагодарная тварь! Сколько ты выпила? Как ты посмела обидеть мою сестру! Посмотрим, как я с тобой сегодня разберусь!

Услышав это, Гу Шэн с удивлением посмотрела на первого принца. Она не ожидала, что этот мужчина не оставит ни капли жалости к своей самой любимой женщине!

Она, вероятно, переоценила чувства первого принца к Гу Жао, или же, хотя Гу Жао была его любимой женщиной, первый принц все же больше любил себя, и самосохранение было его неизменным правилом.

Окружающие гости и придворные слуги с любопытством наблюдали за происходящим, гадая, как князь Чэньань накажет такую дерзкую наложницу.

В этот момент Гу Жао подняла свои пьяные глаза и наконец увидела, кто перед ней. Её лицо сразу же стало мягким и нежным.

Она посмотрела на первого принца и, не обращая внимания на окружающих, позвала его по имени:

— Юнь Чэнь! Ты пришел! Юнь Чэнь... они... они обижают Жаоэр...

Первый принц почувствовал, как сердце сжалось, и в его глазах появилась жалость и сострадание. Он уже хотел приказать наказать Гу Жао, но теперь не мог вымолвить ни слова.

Он колебался, затем резко посмотрел на окружающих гостей и крикнул сопровождающему евнуху:

— Что вы стоите? Какое вам дело? Быстро выведите гостей из дворца! Живее!

Слуги поспешно подчинились, уводя толпу любопытных гостей.

В мгновение ока большинство людей вокруг исчезло. Очевидно, первый принц хотел сохранить лицо Гу Жао. Гу Шэн бросила взгляд на Цзян Чэньюэ, которая стояла неподалеку.

В оранжевом свете фонарей её лицо, подобное белому нефриту, все еще было окутано гневом.

Похоже, на этот раз Гу Жао не избежать наказания. Насколько суровым оно будет, зависело только от «искренности» первого принца.

Первый принц повторял, что Гу Жао слишком много выпила, пытаясь намекнуть Цзян Чэньюэ пощадить пьяную и слабую благородную аристократку.

Девятое высочество хотя и знала, что как высшая аристократка должна быть сострадательной к благородным аристократам, все же была молода. Увидев, как Гу Жао несколько раз дергала своего спутника, она с трудом сдержалась, чтобы не наказать её самой, и теперь уж точно не собиралась идти на уступки.

Увидев, что Цзян Чэньюэ начинает терять терпение, первый принц понял, что больше нет пути назад. Он взглянул на Гу Жао, отвернулся, закрыл глаза и хриплым голосом приказал:

— Дать ей тридцать пощечин!

Услышав это, Гу Жао вздрогнула. Она с недоверием смотрела на профиль первого принца, словно не узнавая этого человека, и тихо спросила:

— Пощечины? Кому? Юнь Чэнь? Юнь Чэнь, посмотри на меня! Ты... ты ударишь меня?

— Быстро! — внезапно прорычал первый принц, так и желая заткнуть уши, чтобы не слышать жалобный голос Гу Жао.

Он постоянно напоминал себе: сегодняшнее позор можно будет вернуть в тысячу раз, когда он прочно займет трон!

Гу Шэн смотрела, как Гу Жао с криками и плачем волокут к стене.

Затем в тишине ночи раздались звонкие звуки пощечин.

Гу Шэн хотела заткнуть уши, но в её голове всплыли воспоминания о прошлой жизни, когда она шла на казнь, а Гу Жао в роскошном наряде специально вышла из паланкина, чтобы насладиться её казнью с довольной улыбкой.

В одно мгновение ненависть сожгла всю её слабость. Гу Шэн подняла голову и с ненавистью посмотрела на Гу Жао, наказываемую в углу.

После нескольких пощечин украшения с прически Гу Жао разлетелись по полу, пряди волос

рассыпались, и её резкие крики постепенно стихли.

К концу наказания Гу Жао уже была без сознания, её тело обмякло, как тряпка. Слуги держали её под руки, поддерживая голову прямо. Из уголков рта сочилась алая кровь, и последние шесть ударов были нанесены.

Ужасающие звуки пощечин наконец прекратились. Слуги уже собирались отнести её к первому принцу для отчета, но тот издали крикнул:

— Выведите её из дворца, сначала отвезите домой!

Наблюдая, как Гу Жао волокут через Врата Цяньцин, первый принц глубоко вздохнул и дрожащим голосом шепнул слуге:

— Позовите врача...

Успокоившись, первый принц снова улыбнулся и вернулся к Цзян Чэньюэ, сказав:

— Эта женщина только что прибыла в дом, она не знает правил, А-цзю, не обращай на неё внимания!

Гу Шэн посмотрела на девятое высочество. К её удивлению, на лице девочки не было ни тени паники или сострадания. В её глазах мелькала какая-то жестокая отрешенность.

— Старший брат, не пускай эту женщину больше во дворец, я не хочу её видеть.

Первый принц любезно кивнул:

— Конечно! Конечно!

Они не стали больше говорить и попрощались, затем направились в разные стороны — один во внутренние покои, другой — за пределы дворца.

Уже наступил час хай, и карета Дома Гу была единственной, все еще ожидавшей у Восточных ворот.

Шилу, вероятно, уже сходила с ума от беспокойства. Гу Шэн молча следовала за слугами девятого высочества, направляясь вглубь дворца, время от времени с тревогой поглядывая в сторону Восточных ворот.

У неё не было слуги, который мог бы передать сообщение, и поскольку маленькая негодница все еще была в гневе, она не осмеливалась подойти с просьбой, а просто покорно следовала за ними.

Куда же Цзян Чэньюэ ведет её?

Гу Шэн с недоумением осматривала окрестности. В прошлой жизни в доме Цзян Хань она видела карту дворца и должна была быть знакома с его видами.

Но у неё плохо с ориентированием, и после того, как слуги провели её через множество поворотов, она уже почти перепутала стороны света и не могла понять, где находится.

Если Цзян Чэньюэ бросит её после того, как все закончится, она, вероятно, заблудится, пытаясь найти выход из дворца.

Примерно через четверть часа девятое высочество наконец остановилось, повернулось, и слуги тут же поклонились и отошли в стороны.

Осталась только Гу Шэн, стоящая на месте, в двух чжанах от девятого высочества.

Цзян Чэньюэ по-прежнему выглядела величественно, её желтое церемониальное одеяние развевалось на ветру, и она произнесла безэмоциональным голосом:

— А-шэн, подойди.

Гу Шэн поспешно сделала маленький поклон и, опустив голову, засемила вперед.

Когда она встала рядом с девятым высочеством, она подняла голову и была поражена увиденным.

Гу Шэн ахнула, широко раскрыв глаза, глядя на огромный пруд с лотосами, где множество дворцовых фонарей освещали нежные, яркие кувшинки!

— Как это возможно... Ваше Высочество! Сейчас же декабрь! Сезон лотосов давно прошел, эти... эти цветы... настоящие?

Гу Шэн на мгновение забыла о страхе и, подбежав к пруду, хотела подойти поближе, чтобы рассмотреть цветы.

Девятое высочество подошло к ней и бесстрастно осмотрело пруд с нежными цветами.

Вскоре Гу Шэн убедилась, что цветы настоящие, и, не удержавшись, схватила рукав девятого высочества и воскликнула:

— Они настоящие! Настоящие! Как это возможно, Ваше Высочество!

Девятое высочество посмотрело на неё сбоку, и в его взгляде явно читалось: «Ты так глупа, что мне трудно объяснить тебе это...»

Гу Шэн была настолько поражена, что возбуждение пересилило смущение, и она не обратила внимания на взгляд маленькой негодницы. Она указала вдаль и с восторгом крикнула:

— Ваше Высочество, смотрите! Там уже лед, какой это сорт лотосов, что они цветут до конца зимы?

Девятое высочество наконец заговорило, спокойно сказав:

— Только на одну ночь. На рассвете они завянут.

Гу Шэн замерла, внимательно посмотрела и вдруг вспомнила, что дворцовая оранжерея, похоже, может изменять время цветения.